

Ю.С.ГАМБАРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ИХ ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ*

I. Определение

Задаваясь, прежде всего, мыслью выяснить понятие политической партии и отграничить его от сопредельных с ним понятий общественной жизни, я выставлю с самого начала, в виду удобства изложения, определение этого понятия и разберу поочередно составляющие его основные моменты. Я не имею надобности оговариваться, что все заключения, к которым приведет меня этот анализ, будут заключениями не из определения, а из конкретных фактов, на абстракции которых основано и предлагаемое определение понятия политической партии. Это определение таково: *политические партии суть свободные общественные группы, образующиеся внутри правового государства для совместного политического действия на почве общих всем объединенным индивидам интересов и идей.*

1. Политическая партия есть *общественная группа*. Это значит, что она не представляет собою целого народа или общества и есть, как это показывает и этимология слова в языках латинского корня, только часть народа или общества. Поэтому *одной* партии, или партии в единственном числе, не может никогда существовать: часть предполагает всегда другую часть или другие части, и не только существование, но и развитие каждой партии связано с существованием и развитием, по крайней мере, одной из противных ей партий. Правда, — некоторые писатели, проникнутые скорее фанатизмом, чем духом научного исследования, представляют себе иногда общество состоящим из одной партии, так нераздельно управляющей им, что всякое противодействие такой единой партии признается изменой обществу. Но мы не знаем, к счастью, ни одного подобного общества и знаем, напротив, что даже в восточных деспотиях возникает так или иначе — тайно или явно — среди духовенства, дворянства, служилого класса, иногда и в кругу семьи самого правителя — настолько сильная оппозиция, что с

* См.: Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. 2-е изд. СПб., 1905. 47 с. Печатается с сокращениями.

ней приходится считаться и абсолютной власти деспотов. Мы называем это обстоятельство счастливым, так как неограниченное и бесповоротное торжество такого чудовища в логическом и житейском смысле, какое представляла бы собою *одна-единственная* партия в государстве, было бы равносильно худшей из тираний. Обеспеченность жизни, свободы, имущества и других необходимых для человека благ есть, как известно, граница, отделяющая цивилизацию от варварства, и она достигается только там, где люди или партии, обладающие властью, знают, что их действия контролируются другими людьми или партиями, которые могут заменить их рано или поздно у кормила правления и заставить дорого поплатиться за допущенные злоупотребления властью.

Но из того, что партии представляют собою не целый народ, а его часть, не следует заключать ни к исключению партий из области государственных отношений, ни к умалению их политического значения. Напротив, в настоящее время утверждается все более и более взгляд, по которому как государство, так и право признаются, во всем процессе своего образования и развития, выражением существующего в том или другом отношении сил и поэтому уже — делом не всего народа, а только его сильных и привилегированных классов, навязывающих, после вековой борьбы, устанавливаемый ими порядок более слабым и униженным слоям общества. Представление о праве и государстве, как о продукте *всей* народной жизни, может быть идеалом будущего, но никак не фактом прошлого или даже настоящего, так как это прошлое и это настоящее показывают, что, по крайней мере, 9/10 населения всех так называемых культурных стран лишены, если не формально, то материально, огромного большинства тех благ — особенно в области гражданского права — которыми пользуется лишь одна десятая привилегированная часть этого населения <...>.

2. Политическая партия есть *свободная* общественная группа. Это значит, что ни вступление в партию, ни пребывание и деятельность в ней, ни выход из нее не связаны никакими юридическими нормами и предоставлены целиком свободной воле составляющих ее лиц. Иными словами, политические партии представляют собою не юридический, а *только* социальный факт, лишенный всякой юридической санкции и предоставленный исключительно действию так называемых «конвенциональных норм», существо которых лежит именно в свободном признании и свободном исполнении со стороны каждого повинующегося им лица. Этой чертой политические партии отличаются формально не

только от исчезнувших в современном государстве, в смысле предмета юридического регулирования, общественных союзов, какими были, например, племенной, родовой и семейный союзы, касты, сословия, замкнутые классы и т.д., но и от самого государства, принадлежность к которому обусловлена до сих пор, в виде общего правила, волей государственной власти. Указанная черта разграничивает формально политические партии и от тех действующих в современном обществе союзов, которые подчинены юридической регламентации, каковы, например, различные формы признаваемой законом кооперации — товарищества, синдикаты, корпорации и т.д. <...>

О свободе же от юридического регулирования, действительно характерной для политических партий, следует еще заметить, что стремление и постоянное приближение к этой свободе лежит в основании эволюции всех общественных союзов, носящих черты публичного права, не исключая отсюда ни церкви, ни государства. Прежде все эти союзы были исключительны, закрыты и принудительны; с течением времени они или исчезли, или обменяли свои прежние черты на свободу, или сделали последней, как, например, государство, значительные уступки. Поэтому политические партии могут быть признаны, по своей форме, прогрессивной организацией, стоящей в соответствии со всей эволюцией общественных союзов и несомненно опережающей те из их видов, которые удерживают еще признаки старых принудительных корпораций.

3. Политические партии образуются *внутри правового государства*. Это значит, что, с одной стороны, о них не может быть и речи во время господства форм общежития, предшествующих возникновению государства, каковы, например, племенной и родовой союзы, различные виды автономной общины и т.д., и что, с другой стороны, образование политических партий предполагает уже сложившееся правовое государство. Первое из этих положений можно доказать как слитностью в первоначальных общинах всех общественных функций этих общин, не допускающих предполагаемой понятием политической партии дифференциации политических идей и интересов, так и характеризующими эти же общины чертами исключительности и принудительности, стоящими в противоречии со свободными формами политических партий. Второе положение, ставящее в связь политические партии и правовое государство, вытекает тоже из понятия политической партии, немислимого ни без признания закона в основании всего порядка общественной жизни, ни без участия, в той или другой форме, самого общества в ре-

гулировании этого порядка. То и другое характеризует лишь правовое государство и совершенно отсутствует в деспотиях, где закон есть только дело милости правителя, и общество не принимает от себя никакого участия в управлении государством. Последствиями такого абсолютизма являются обыкновенно: вверху — ничем не сдерживаемый произвол и запрет, налагаемый на все свободные проявления жизни общественных групп; внизу — подавленность, индифферентизм и, в известных условиях, деятельность одной лишь революционной оппозиции.

При таком положении дела нельзя говорить ... даже о консервативной партии, стремящейся к удержанию существующего порядка. Этим делом занято здесь само единоличное правительство, не допускающее к нему никого, кроме своих верных слуг, делающихся, однако, при слабости правителя, и господами. Во всяком случае, эти слуги или господа составляют около правителя не партии, а *клики*, за которыми упрочилось, со времени кучки придворных любимцев, окружавших в Испании начала XIX в. короля Фердинанда VII, название *камарильи*. Подобные же клики могут возникать и против правящих в данное время людей, но это опять будут не партии, а клики, так как отличие клики от партии состоит именно в том, что первая действует исключительно на почве личных интересов своего вожака и независимо от каких бы то ни было принципов правового государства или участия общества в правительстве, тогда как вторая если и не исключает из круга свой деятельности личных интересов, то не допускает их преобладания и всегда предполагает как правовое государство, так и участие в нем самого общества. Но вытесняемая из политической жизни тенденция к образованию партий, совпадая в основном с инстинктом общественности, переходит в область религии, наук, искусств и различных общественных противоположений. Отсюда — существование, рядом с политическими, религиозных, научных, литературных, артистических и социальных партий, которые тоже отличаются от первых своей независимостью от политических условий, но и сближаются с ними известным родством идей и интересов <...>

Говоря о существовании политических партий внутри государства, не мешает оговариваться, что это ограничение понятия политической партии пределами данного государства касается только образования, а не развертываемой все шире и шире деятельности политических партий. Что эта деятельность с развитием интернационализма, выходит все более и более за пределы того государства, где она возникает,

или, что, другими словами, политические партии, наравне со многими другими проявлениями современной жизни делаются теперь менее национальными и более интернациональными, этот факт не может быть в настоящее время предметом сомнения. Вспомним, как законодатели, принадлежащие к той или другой партии в своей стране, заимствуют законы и учреждения чужой страны, если только эти законы и учреждения соответствуют требованиям их партии. <...>

Наконец, новые условия мирового хозяйства сближают, как известно, рабочих всех стран — так же, как они космополитизируют и предпринимателей, и особенно банкиров. И что влияние этого интернационализма заметно не только на политических, но и на других партиях, например, религиозных; это можно лучше всего видеть на партии католиков, которая не обнаруживала бы в своей постоянной борьбе с другими партиями такой живучести и силы сопротивления, если бы у нее не было поддержки в Риме и во всех странах, где эта партия торжествует и может поэтому приходить на помощь своим менее счастливым единоверцам в других странах как нравственно, так и деньгами, и убежищем.

4. *Совместное политическое действие.* Политические партии имеют своей целью, смотря по тому или другому государственному строю, или получение в свои руки государственной власти, или, по крайней мере, достижение решающего влияния на государственное управление. Осуществление этой цели возможно не иначе, как путем действий и, притом, совместных, так как политическая партия уже потому, что она есть общественная группа, ставящая перед собою практическую цель, должна необходимо действовать, и действовать общими усилиями своих членов. Поэтому о политической партии не может быть и речи при той общественной группировке, в основании которой лежит общность только в политических убеждениях без того, чтобы эти последние переходили в совместную деятельность лиц, ими объединенных, так сказать, платонически, но не практически. Здесь можно было бы говорить в лучшем случае о материале для будущей партии или о партии в скрытом состоянии, но не о настоящей политической партии, удовлетворяющей всем условиям своего понятия; и так как совместная деятельность лиц, составляющих партию, входит в ее понятие, то деятельность эта, само собою, должна быть организована, то есть подчинена общим правилам или дисциплине, и снабжена известными органами. Партии борются и, для успеха борьбы, нуждаются в единстве, представляющем здесь,

как и всюду, силу. Это единство дают им вожаки и другие органы партии — между ними и печатные, — поддерживающие постоянную связь среди отдельных членов партии и проводящие ее идеи в индифферентную, по большей части, к политическим идеям массам, привлечение которой на сторону партии есть одно из условий достижения ее цели. Подчинение вожакам и дисциплине не угрожает партии опасностью, так как вожаки сохраняют свое влияние лишь до тех пор, пока они верны доктрине и интересам партии, а дисциплина основана здесь не на слепом повиновении, как в войске, а на добровольном самоограничении. Отсутствие какой бы то ни было принудительной санкции делает для партии безвредными и злоупотребления как влиянием, так и дисциплиной: лицам, допускающим эти злоупотребления, грозит потеря их положения и даже изгнание из партии. <...>

Организация и дисциплина требуются всяким общением людей, преследующих общие цели, и встречаются поэтому в области как политики, так и права, нравов, религии и т.д. Но если не организация, то *направление организации на сторону государственной деятельности*, в смысле достижения или удержания государственной власти, действительно отличает политические партии от всех прочих общественных союзов. Эта чисто политическая цель партии представляет в такой же степени материальный критерий для разграничения политических партий от *всех* других общественных группировок, в какой свобода от юридического регулирования представляет формальный критерий для того же разграничения, если не всех, то *значительного* числа этих группировок.

5. *Общность интересов и идей.* <...> ...Интересы и идеи, объединяющие политические партии, могут быть чрезвычайно разнообразны и, что ограничивать их областью исключительно экономических или политических интересов значило бы становиться в противоречии с положением дела в действительности. Наряду с политическими группами, объединенными чисто экономическими и политическими интересами, каковы, например, принципы свободы торговли и протекционизма, свободы труда и государственного вмешательства, пропорционального и прогрессивного обложения, ограниченного цензом и всеобщего права голосования, безответственного и ответственного министерства, системы централизации и децентрализации и т.д., мы встречаемся постоянно и с такими политическими группами, в основании которых лежат совсем иные интересы, чем интересы чисто экономических и по-

литических отношений. Сюда следует причислить, например, политические партии, добивающиеся то свободы совести и вероисповедания, то свободы слова и печати, то свободы ассоциаций и коалиций, то уничтожения рабства, то эмансипации католиков, протестантов, евреев, сектантов, то уравнивания прав женщин с правами мужчин и т.д. Интересы, объединяющие эти партии, принадлежат к разряду нравственных и обще-социальных и, вступая в те или другие комбинации как с экономическими, так и с политическими интересами, они не поглощаются ими и не перестают от них различаться. <...>

Мнение, высказанное Г.Тардом на одном из заседаний Парижского социологического общества (*Revue internationale de sociologie*, 1903, № 2) о независимости политических партий от общественных классов именно вследствие устранения между последними всех юридических перегородок — это мнение не выдерживает, очевидно, критики, так как равные между собою в юридическом смысле индивиды могут глубоко различаться в общественном смысле и, в виду объединяющих их классовых интересов, соединяться в организованные группы, ставящие перед собой и политические цели. Такое превращение общественных классов в политические партии не только не устраняется, вопреки Тарду, но, напротив, обостряется юридическим уравниванием классов, и это не трудно объяснить.

Все современные конституции предоставляют то или другое участие в государственной власти, рядом с имущим, и неимущему классу, состоящему, в то же время, в полной экономической зависимости от первого. Нечего удивляться, что это противоречие в положении класса, являющегося одновременно сувереном и рабом, приводит к тому, что, сознавая недостаточность индивидуальных и внесударственных усилий для разрешения этого противоречия, неимущий класс стремится усилить свое влияние на государственную власть или приобрести в ее составе настолько решающий голос, насколько это нужно для того, чтобы сделать положение своих членов не только политически, но и общественно-независимым, — другими словами, открыть им не только юридический, но и фактический доступ к народному капиталу. <...>

II. Названия политических партий

Не всегда различие названия выражает различие партий, и часто как названия, так и предметы, разделяющие партии, оказываются случайными. «Правая» и «левая» (за исключением социалистического кры-

ла последней) в Италии, консерваторы и либералы в Испании, тори и виги в Англии, консерваторы, прогрессисты и даже радикалы во Франции наших дней, республиканцы и демократы в Соединенных Штатах — не отличаются существенно друг от друга ничем, кроме того, что, когда одна из этих партий находится во власти, другая оппонирует ей, имея в виду занять ее место для отправления той же власти. Тем не менее, названия партий далеко не безразличны, так как они производят известное впечатление на массу общества, привлекая к той или другой партии, или отвлекая от нее, так сказать, *prima facie*, все поверхностные умы, составляющие, пока что, большинство во всех обществах. Поэтому партия, которая не называла бы себя или скрывала добровольно свое имя, подписывала бы свой смертный приговор в смысле влияния на общество. Но если бы она была вынуждена к тому же преследованием, влияние ее росло бы, вероятно, прямо пропорционально тому приращку страсти, который был бы сообщен партии гнетом преследования, и тому возбуждению сочувствия, которое преследование мысли вызывает даже в индифферентной массе.

Присваивая себе те или другие названия, партии отличают себя друг от друга и различными цветами, знаменами, кокардами, повязками, шляпами и т.п. символическими знаками, которые были в большом ходу в прежнее время и разделяли иногда все общество на враждебные лагеря, как, например, «зеленые» и «голубые» в Византийской империи, «алая» и «белая» «розы» в средневековой Англии, «красные» и «черные» в наши дни и т.д. Но за этими символическими отличиями скрывается часто такое безразличие в отношении к политическим принципам и целям, что о *политических* партиях в собственном смысле в этих случаях не следовало бы и говорить. Вообще же, привязанность к символическим отличиям в настоящее время заметно слабеет, и политические партии объединяются и разъединяются теперь не символами, а интересами, о которых у нас уже велась речь, и представляющими эти интересы организациями и печатными изданиями.

Популярно в общественном обиходе и довольно распространено также в политической литературе разделение политических партий на абсолютистов, консерваторов, либералов и радикалов. Об этом разделении партий будет излишним сказать, что указываемые им четыре партии нельзя считать ни «единственно-рациональными»..., ни «основными типами партий», психически обоснованными на четырех последовательных фазах развития человеческой жизни...

Если начало политическим партиям дается, как мы это видели, общностью интересов — и интересов как материальных, так и нравственных, — и если эти интересы так же изменчивы и разнообразны, как изменчива и разнообразна сама общественная жизнь, то политических партий может быть, естественно, столько же, сколько и объединяемых ими для совместного политического действия интересов. Тогда непонятно, почему, при таком изменчивом разнообразии интересов и партий, черта рациональности должна отличать те, а не другие партии, и почему рациональны только 4 названные выше, а не 6, не 10, не 20 и более не названных, но, несомненно, существующих еще партий. Если бы все 4 указанные партии были еще строго определены и встречались с одинаково ясным содержанием повсюду или, по крайней мере, в некоторых из наблюдаемых стран, то выделение их в привилегированную группу представляло бы известное оправдание.

Но действительность показывает, что содержание каждой из этих партий меняется с различием места и времени, что консерваторы одной страны могут быть либералами в другой и даже в своей собственной стране, что консерватизм и либерализм при борьбе за свободу и после упрочения свободы представляют собой совершенно различные доктрины. В первом случае консерваторы и либералы действительно противоположны, так как одни отрицают, а другие утверждают свободу; но во втором — они не отличаются с этой стороны, так как свободы перестает быть предметом спора и переходит для тех и других в предмет вожелания, в смысле монополии. <...>

Отвергая, таким образом, рациональный характер и всякие биологические аналогии политических партий, мы вовсе не хотим сказать, что эти последние представляют собою нечто в такой степени произвольное и случайное, что надо оставить всякую надежду на открытие в их образовании и действии какой бы то ни было закономерности. Произвольно и случайно может быть возникновение или название какой-нибудь партии, если она вызывается к жизни временными, не имеющими общего значения условиями или исключительно волей своих учредителей: то же — если она получает название, не соответствующее ее действительному предмету и цели. Но когда партии стоят в длящемся отношении с объединяемыми ими интересами, и эти интересы настолько существенны и общи, что с ними приходится считаться как обществу, так и государству, то ни разнообразие, ни изменчивость этих интересов, не могут помешать тому, что выражение их в политических парти-

ях будет так же закономерно и так же доступно для научного исследования, как это можно утверждать и о других выражениях общественных отношений, вовсе не затрагиваемых в своей закономерности разнообразием и изменчивостью этих отношений.

На применимость такого исследования к политическим партиям указывает отчасти и предшествующее изложение, в котором приведен ряд обобщений, касающихся сложения, деятельности и разграничения политических партий от сопредельных с ними общественных групп. Мы дополним теперь это изложение еще несколькими и, притом, самыми беглыми указаниями на общий ход развития и на особое значение политических партий в современной политической жизни.

III. Процесс развития политических партий

Общий ход развития политических партий можно видеть, с одной стороны, в освобождении их от посторонних примесей, и с другой, в усилении политических функций. Освобождение политических партий от посторонних их понятию примесей мы наблюдаем, прежде всего, на постепенном ослаблении религиозно-политических партий, игравших в прошлом очень большую роль и переходящих теперь все более и более из области политики в область чисто религиозных отношений. <...>

Другой ряд случаев обособления политических партий от посторонних им элементов представляют нам исчезнувшие или исчезающие теперь и столь обычные прежде различные партии по национальностям (например, романская и германская, английская, шотландская и ирландская, немцы и чехи в Австрии, и т.д.), по племенам (например, великороссы, малороссы и белоруссы, франки старобаварцы, фламандцы и вельши и т.д.) или сословиям (например, патриции и плебеи в Риме, духовенство, дворянство, горожане, крестьянство — во всей Западной Европе и т.п.). Деление партий, опирающееся на эти начала и, особенно, на национальность и племя, предшествовали, в общем, объединению современных государств и стояли даже поперек этому объединению. Племя и национальность были сами по себе прочно обоснованные и самостоятельные единства, которые могли расходиться с государственным единством и даже враждовать с ним. Сословия представляли меньше опасности для государства, так как они составляли его части и не стремились к созданию из себя самостоятельного государства. Но и сословия, когда они были закрыты и наделены исключительными правами, оказывались часто столь же крепкими и могучими единствами, как

племя и национальность. Поэтому-то и новое государство, исходящее от признания равноправности за всеми живущими в его пределах племенами, национальностями и сословиями, не может допустить свободного развития основанных на всех этих единствах партий.

Современные политические партии суть всегда части государственного целого, подчиненные этому целому, открытые для всех племен, национальностей и сословий, и поэтому уже не только не грозящие единству государства, но, напротив, постоянно питающие и поддерживающие это единство. Вот существенное различие между современными и прежними политическими партиями, — различие, в силу которого мы могли бы допустить возникновение в современном государстве политической партии, стоящей в известном отношении с племенным, национальным или сословным началом, только в том случае, если бы это государство отказывало тому или другому из своих племен, национальностей или сословий в правах, которые оно признавало бы за другими своими членами. Но это была бы опять политическая партия, основанная не на племенном, национальном или сословном начале, а на принципе борьбы за известные права, характеристика которых лежала бы не в связи с каким бы то ни было племенем или сословием, а, напротив, в отрицании этой связи.

Таким образом, низшие формы партий вытесняются постепенно высшими, и эти последние все более и более очищаются от смешения с религиозными, национальными, сословными и т.п. элементами, стоящими независимо от целей собственно государственного общения. Принадлежа целиком государственной жизни, политические партии определяются теперь исключительно политическим началом, то есть стремлением воздействовать на государственную власть и обеспечивать в ней свое участие.

В этом смысле, то есть в смысле исключительно политического союза, предполагающего участие общества в государственной жизни, политические партии суть явления *нового времени*, так как еще в недавнем прошлом большинство европейских народов не знало ни обособления политических союзов от основанных на других противоположениях общественных групп, ни участия общества в государственной власти. Но с успехами дифференциации общественных функций и с установлением в течение XIX века в большинстве европейских государств конституционного строя, политические партии, боровшиеся до того, одни — за, а другие — против этого строя, претерпевают двойное изме-

нение. С одной стороны, они отделяются резко от других, не чисто-политических общественных групп, с которыми их соединяло прежде состояние, похожее на неразделенную общность владения. С другой стороны, они все менее и менее отличаются друг от друга теми принципами, которые когда-то делали одну из них партией застоя, упрямо смотрящей в прошлое, или так называемой консервативной партией, а другую — партией движения, реформ, обращенных на будущее и служащих до сих пор основанием для квалификации этой партии либеральной.

Утверждение конституционного государства, особенно в той его форме, которая известна под именем системы парламентаризма, упраздняет в принципе это старинное противоположение, соответствовавшее времени борьбы за политическую свободу, но теперь потерявшее свое оправдание. Об этом противоположении не может быть, естественно, речи с тех пор, как прежняя консервативная партия признала новый политический порядок и настолько отрешилась от слепого отстаивания прошлого, что теперь она сама принимает нередко участие в его преобразовании. С другой стороны, и старая либеральная партия добилась, вместе с завоеванием политической свободы, своей цели и вступила в кадры существующего порядка, превратившись из противодействующего ему в поддерживающий его фактор государственной жизни. Поэтому, вместо консервативной и либеральной партии, с их фиктивными подразделениями на реакционеров, старых и новых консерваторов, умеренных и крайних либералов, радикалов и т.д., мы должны признать, согласно тому, что нам дает действительность, существование многочисленных политических партий, группирующихся вокруг самых различных интересов современной социальной жизни; причем эти интересы следует признать весьма отличными от тех, которые разделяли старых консерваторов и либералов, споривших о политической свободе. Единственно характерной чертой этих интересов, в их отношении к политическим партиям, является уже отмеченное нами стремление привлечь к своему удовлетворению государственную власть.

IV. Политические партии при системе парламентаризма

К указанным выше чертам политических партий система парламентаризма вносит новую существенную черту. Эта черта состоит в том, что, в целях управления государством и контроля над этим управлением, все действующие в парламенте или, по крайней мере, все при-

тяжающие на практическое значение политические партии соединяются в две, и только в две, большие партии, из которых одна находится в обладании государственной властью, а другая, контролируя распоряжение этой властью, стремится, в то же время, заместить правящую партию и получить в свои руки управление государством. Только это противоположение двух партий или, вернее, *двух коалиций партий*, оспаривающих друг у друга государственную власть, дает возможность иметь правительство или кабинет министров, выходящий из рядов господствующей в данное время партии, которая уступает свое место, при неблагоприятных для нее условиях, враждебной или коалиции враждебных партий.

Такое разделение парламента на два противостоящих лагеря, оправдывающее вполне квалификацию правительственной системы, основанной на этом разделении, «*правительством партий*», есть не только логическое последствие, но и существенное условие успеха парламентаризма. Показать это можно с помощью следующего рассуждения, основанного на парламентской практике.

Предположим, что в стране, управляемой «*правительством партий*», как, например, в Англии, рядом с двумя действующими в парламенте большими партиями, образуется еще третья, подобная организованной Парнеллем партии Home Rule, и что эта третья партия ставит выше всего свои специальные цели, решаясь противодействовать всякому правительству, которое отказывало бы ей в содействии достижению этих целей. Предположим далее, что эта партия настолько усиливается, что с ней неизбежно приходится считаться: она располагает в парламенте таким значительным числом голосов, что присоединение этих голосов к парламентской оппозиции оставляло бы правительство постоянно в меньшинстве. Если бы в этих обстоятельствах две старые партии не соединялись вместе против новой, третьей партии, или если бы одна из двух первых партий не поглотила в себе этой третьей партии, сделав ей известные уступки, то ни одно министерство не могло бы составить себе обеспеченного большинства. Всякий кабинет ниспровергался бы немедленно по своем образовании, и парламентское правление стало бы невозможным.

Предположим теперь, что возникшая вновь партия относится не безусловно враждебно к двум остальным и согласна даже поддерживать некоторое время правительство, опирающееся на одну из них. В этом случае проведение системы парламентаризма было бы не невоз-

можно, но затруднено, так как правительство терялось бы в усилиях мирить постоянно обе группы своего случайного большинства, рискуя поражением всякий раз, как только одна из этих групп делалась бы ему враждебной. Политика министерства была бы в этих условиях колеблющаяся и нерешительная, и чем большее число недостаточно согласованных между собою групп входило бы в состав его большинства, тем труднее ему было бы ладить с ними, и тем слабее и менее прочно становилось бы его положение.

Трудность этого положения не уменьшалось бы и от предоставления министерских портфелей членам отдельных групп, составляющих правительственное большинство. Успокаивая до некоторой степени честолюбие отдельных парламентских групп, эти портфели вводили бы разногласицу в самый центр правительства и еще более увеличивали бы вошедшую почти в поговорку слабость так называемых коалиционных министерств. Кабинет, существование которого зависит от счета голосов в парламенте, может вести твердую и последовательную политику лишь в том случае, если его поддерживает верное и компактное большинство, и это основное требование парламентаризма переходит в известном смысле от парламентского большинства и на парламентское меньшинство. Пока кабинет держится крепко, состав оппозиции может быть безразличен; но когда оппозиция превращается в большинство, это последнее должно быть так же устойчиво и так же компактно, как и противостоявшая ему до того правительственная партия: иначе получилась бы опять слабость коалиционного министерства. <...>

... Система парламентаризма есть правительство партий, которое не может функционировать с успехом, не опираясь в парламенте на компактное большинство, против которого должно стоять такое же компактное меньшинство. Но утверждать, что это большинство должно состоять только из одной партии, а меньшинство — из другой, столь же единой партии, значило бы отвергать, в сущности, возможность парламентаризма, так как ни история, ни логика партий не допускают их ограничения и особенно такого ограничения, какое представляло бы их двухчленное разделение.

Между тем, парламентаризм есть несомненный факт, прекрасно уживающийся с существованием множества партий, и это потому, что он вовсе не предполагает того, чтобы в парламенте существовали только две партии. Он предполагает лишь объединение существующих партий для совместного политического действия в две противостоящие коали-

ции, из которых одна должна управлять, а другая контролировать. Это объединение клеймится часто эпитетами, позорящими объединяющиеся партии, но оно необходимо и постоянно практикуется, так как простота противоположения двух партий, соответствующая простоте легенды о добре и зле, не стоит в таком же соответствии со сложностью социальных отношений. Во всяком случае, объединение многих партий в две группы партий требуется только техникой парламентаризма, которой не устраняется ни противоположность интересов и воззрений отдельных элементов объединенных партий, ни постепенное ослабление противоположности этих партий, взятых в их совокупности.

Именно потому, что в целое входят часто противоположные друг другу партии, ни мало не отрекающиеся от своих противоположений и иногда лишь отсрочивающие их осуществление, это целое все более и более обезразличивается и утрачивает самостоятельные черты, которые остаются только за прикрываемыми им отдельными группами. В конце концов, из живой партии это целое может превратиться даже ... в простую политическую машину... <...>

V. Современное значение политических партий

Сколько бы ни было партий в той или другой стране, и как бы различна ни была в ней степень устойчивости парламентаризма, торжество демократии сделало всюду, где оно имело место, политические партии главными движущими силами и необходимыми пружинами всей государственной жизни. Если демократическое государство характеризовали уже более 100 лет тому назад и характеризуют еще теперь, как «правление для народа и самим народом», то самый беглый очерк истории демократии может показать, что ни один большой народ никогда не управлялся и не мог управляться сам собою.

На деле все демократии управляются политическими партиями, работа которых видоизменяется, но не направляется так называемым общественным мнением, выражая интересы и воззрения лишь тех общественных групп, проводниками которых они выступают в государственной жизни. Вот почему природа и развитие политических партий составляют один из интереснейших и важнейших предметов изучения для всех, кого занимают вопросы государственной жизни и политической философии нашего времени. «Если такое сложное государство, как наше, соединяющее в себе столько противоположных сил, — читаем мы у Мея (E. May, Constitutional History of England, стр. 1), сохраняет

гармонию в своих действиях, то оно обязано этим только организации партии, едва признанной конституцией, но нераздельно связанной с парламентским правительством и оказывающей огромное влияние, — все равно, хорошее или дурное, — на политические судьбы нашей страны... Существование партий охраняло конституцию от ударов, угрожавших ей в самых ее основах. Партии возвышались и падали, но учреждения стояли непоколебимо». Брайс в своей «Американской Республике» (русский перевод, III, стр. 1) сравнивает значение партий для правительственного механизма с паром для локомотива и замечает, что, по мере ослабления различия в основных принципах двух больших американских партий, их организация становится все совершеннее и политическая роль все более и более главенствующей в государственной жизни.

И эту главенствующую роль политических партий во всех странах, подчиненных системе парламентаризма, легко объяснить не только техникой этой системы, требующей участия в парламентском большинстве и в парламентской оппозиции строго организованных политических групп, но и общими условиями смены «старого порядка» строя новых демократических государств. Торжество демократии разрушило везде старые устои политического общества; иерархия классов и традиционные нити, связывавшие индивид с обществом, были порваны. Требовалось найти новые связки, вылить новые формы, в которых разбитый на атомы народ мог бы проявить свое отношение к жизни целого и исполнить свои новые функции держателя верховной власти. Этими формами и стали организованные и постоянно действующие не только в парламенте, но и вне парламента политические партии, борьбой которых определяются теперь все высшие проявления государственной жизни.

Некоторые немецкие ученые предостерегают своих учеников от заблуждения, приписывающего всем партиям враждебное отношение к существующему правительству. Они утверждают при этом с большой серьезностью, что, раз правительство ведет политику, согласную с воззрениями той или другой партии, эта последняя должна его поддерживать и укреплять (см., например, Bruder, Staatslexikon, IV, Parteien). Такого рода предостережения и советы не имеют значения для стран с режимом парламентаризма, так как в этих странах правительство, придерживающееся политики той или другой партии, состоит не из кого иного, как именно из этой самой партии, тогда как ос-

тальные партии, не участвующие в правительстве или не покровительствуемые им, должны быть ему враждебны.

Такой же праздный вопрос возбуждается часто и о том, полезны или вредны политические партии. С точки зрения научного исследования, этот вопрос подобен вопросам о пользе или вреде ветров, молний и т.п. Партии представляют собою для научного исследования только факт, обнаружение которого подлежит изучению. Но если бы тот же вопрос ставился даже исключительно в практическом или прикладном смысле, то однообразное разрешение его для всех случаев действия партии было бы все-таки невозможно, так как это разрешение зависело бы всякий раз от условий, в которых той или другой из них приходилось бы действовать. Можно было бы только сказать, что часто повторяемое утверждение о том, что так называемые «истинно-государственные люди» должны стоять вне партии, не носить в себе, по крайней мере, в условиях парламентского режима, и тени истины. Ни один государственный человек и даже ни один конституционный государь не может избегнуть в своей политической деятельности содействия и поддержки партий, составляющих условие самого существования парламентского правительства. Можно утверждать еще более, а именно, что стоять в конституционном государстве вне партий было бы вовсе не честью ни для государственных людей, ни для простых граждан, так как политическая свобода может быть прочна только там, где каждый гражданин имеет право и считает своей обязанностью контролировать действия стоящей во власти партии. Эта же свобода погибает везде, где граждане, по слабости или порочности, одобряют без проверки и исполняют без контроля решения правящей в данное время партии.

От переводчика

Роберт Мертон (род. 1910) принадлежит к числу тех социологов с мировым именем, которые не нуждаются в особых представлениях и рекомендациях. За долгую научную карьеру им написаны десятки работ в области общей социологической теории и специальных отраслей социологического знания, большинство которых до сих пор пользуются заслуженным вниманием профессионалов. Книга «Социальная теория и социальная структура», собравшая в себе два десятка очерков по самым важным проблемам социологии и выдержавшая несколько изданий и переизданий (1949, 1957, 1968), занимает особое место среди его произведений. Она во многом определила облик социологии второй половины XX века, сформировав научный язык. Предлагаем вниманию читателя главу из этой книги, посвященную основным проблемам социологического изучения науки.

Полный перевод книги Р.Мертон «Социальная теория и социальная структура» готовится в настоящее время в издательстве «Логос».

Р.К.МЕРТОН

НАУКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК*

Приблизительно на рубеже прошлого и нынешнего веков Макс Вебер обратил внимание на то, что «вера в ценность научной истины не что иное, как продукт определенной культуры, а совсем не данное от природы свойство»¹. Теперь мы можем добавить: и такая вера легко превращается в сомнение или неверие. Наука неуклонно развивается только в обществах с определенным порядком, подчиненных особому комплексу молчаливых допущений и институциональных огра-

* Доклад, прочитанный на конференции Американского социологического общества в декабре 1937 г. Автор выражает признательность профессору Риду Бейну, профессору Толкотту Парсонсу, д-ру Э.Й.Хартшорну и д-ру Э.П.Хатчинсону за полезные предложения.

¹ Weber M., *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. S. 213 (М.Вебер. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // М.Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 412–413). Ср.: Sorokin P. *Social and Cultural Dynamics*, особенно том II, глава 2.